Д.С. ТЫЩУК
(Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко Луганск, Украина)

УДК 82.09»19»
ББК Ш33(0)64-4

АССОЦИОНИМ КАК ТРОП

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению ассоционима как тропа на материале творчества зарубежных писателей конца XX – начала XXI столетия (Ф. Бегбедера, Л. Вайсбергер, А. Гавальды, А. Левина, Д. Пиколт). Ассоционим, графически выделенное в тексте слово (или комплекс слов) для обозначениия общего понятия, описывается в контексте эстетических взимоотношений с метафорой. Автор выделяет элементы структуры тропа, выполняемые им художественные функции, варианты классификации на основе семантико-рефлексивного подхода.

Ключевые слова: ассоционим, ассоциация, значение, шифр, рефлексия, семантика

Одной из актуальных тенденций в развитии современного литературоведения является пересмотр предназначения тропа: средство образности в произведении рассматривается не как лингвистическая оболочка идей автора, а как эстетический инструмент знакового характера. Тропы, художественное функционирование которых базируется на рецепции переносного значения слова, являются полем для наиболее яркого и полного подтверждения изложенной выше точки зрения.

В одном ряду с художественной феноменальностью метафоры находится семантико-рефлексивная аутентичность ассоционима, тропа, хронологическим маркером актуализации которого является конец XX – начало XXI столетия.

Цель работы – рассмотрение особенностей ассоционима как тропа (на материале прозаических произведений зарубежных писателей конца XX – начала XXI столетия Ф. Бегбедера, Л. Вайсбергер, А. Гавальды, А. Левина, Д. Пиколт).

Теоретико-методологическая основа работы представлена трудами Г.Ф.Гегеля, Р. Барта, В. Галич, А. Галича, Ж. Дерриды, Ю. Кристевой, А. Лосева, Ю. Лотмана, П. Рикера, М. Хайдеггера.

Основы изучения ассоционима – в монографии «Антропонимия Алеся Гончара: природа, эволюция, стилистика», автор которой, украинский лингвист В. Галич, представляет дефиницию тропа, классифицирует его варианты, и анализирует особенности реализации.

В 2010 году была опубликована монография А. Галича «Эстетические искания в украинской постмодерной литературе: ассоционимное измерение», которая на сегодня считается содержащей системную теоретико-литературную рефлексию ассоционима. В интерпретации А. Галича ассоционим является «тропом, сознательно созданным автором путем перехода нарицательного имени в собственное, ключевая особенность которого есть ассоциативность, возбуждающая сознание реципиента, вызывая в нем определенные образы, фантомы, воспоминания, которые соединяют переносное лексическое значения этого художественного средства с семантикой разных слов» [Галич 2010: 29–30]. В. Галич подчеркивает значение формы тропа, пищущегося в тексте произведения с большой буквы, определяя маркером асоционима «графическое выделение важного в понимании подтекстового значения художественного смысла слова написанием его с большой буквы» [Галич 2002: 136]. Ассоционим – это троп (слово, сочетание слов, предложение) синтетико-метафорической природы, который реализуется в текстах художественной литературы через переход общего названия в собственное (графически воспроизводится как написанное с заглавной буквы слово для обозначениия имени нарицательного) и исполняет роль стимулятора осознания произведения читателем.

Представленное выше определение тропа – результат рецепции немногочисленных литературоведческих разработок теории ассоционима, что свидетельствует о только лишь начатой теоретической разработке данного понятия тропа.

Художественная сущность ассоционима основывается на умышленном провоцировании писателем читательского восприятия посредством написания с большой буквы слова, сочетания слов, предложения: в новелле А. Гавальды «Происшествие» – «**ПРЕДПОЛАГАЕТСЯ ОШИБКА ВОДИТЕЛЯ**», «**СТРАШНАЯ ВЕРСИЯ ОШИБОЧНОГО МАНЕВРА**»; в романе А. Левина «Степфордские жены» – «**УВЕЛИЧЕННЫЕ ФОТОГРАФИИ РАСКРОЮТ ПОТРЯСАЮЩИЕ СЕКРЕТЫ**»; в романе Л. Вайсбергер «Дьявол носит «Прада» – «**ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В КУКОЛЬНЫЙ ДОМИК, ДЕТКА!»,** «**НИКОГДА**»; в романе Д. Пиколт «Ангел для сестры» – «Смерть», «**ХОДАТАЙСТВО О**

ВЫХОДЕ ИЗ ПОД РОДИТЕЛЬСКОЙ ОПЕКИ В ВОПРОСАХ ЗДОРОВЬЯ»; в романе Ф. Бегбедера «Любовь живет три года» – «**1. СЧАСТЬЯ НЕТ. 2. ЛЮБОВЬ – СКАЗКИ. 3. И НИЧЕГО СТРАШНОГО», «НЕ БЫВАЕТ СЧАСТЛИВОЙ ЛЮБВИ», «КАК ВСЕ», «Всякая Красота», «Уродство», «Юность», «Увядать», «Жизнь», «Загнивание», «Умираем», «День**».

Поливекторность в выборе произведений как поля функционирования ассоционима объясняется стремлением к демонстрации художественной самодостаточности тропа в гендерном, тематико-проблематическом и жанровом аспектах.

Ассоционим как троп, диалогическую природу которого писатели удачно иллюстрируют, используя эстетический потенциал новеллы и романа как жанров, для которых критерий глубины тематических и идейно-проблематических векторов является доминирующим априори. Ассоционим, требующий от читателя образования нового смыслового поля с центром в актуализированных им же сентенциях, может продуктивно раскрыться только в жанрах, чьи имманентные особенности позволяют соединить классические повествовательные аспекты с актуальным комплексами тем и проблем.

Основываясь на диалогичной природе ассоционима, который своим появлением в поле текста произведения выполняет роль эстетического означающего как для автора, так и для читателя, троп имеет четыре структурных компонента: авторское сообщение (сентенция), денотативное значение, шифр (графическое воплощение), результат читательской рецепции.

Герой новеллы А. Гавальды «Проишествие» ночью оказывается в роли участника аварии на дороге, ужасным последствием которой становится смерть жертвы. Загнанный самим собой в угол мужчина пытается забыться, но на первой полосе случайно попавшей в руки утренней газеты он читает статьи о себе с заголовком «**ПРЕДПОЛАГАЕТСЯ ОШИБКА ВОДИТЕЛЯ**» [Гавальда: 51], впадая в ступор от следующей заметки «**СТРАШНАЯ ВЕРСИЯ ОШИБОЧНОГО МАНЕВРА.** Неосторожность, а вернее сказать – несознательность – одного из участников дорожного движения могла стать причиной трагедии на автостраде А-13…» [Гавальда: 15].

Рассмотрим структуру ассоционима **«СТРАШНАЯ ВЕРСИЯ ОШИБОЧНОГО МАНЕВРА».** Авторское сообщение – информация о трагическом результате дорожно-транспортного проишествия. В прямом смысле соединение слов, образующих ассоционим означает еще одну догадку о драматических событиях, спровоцированных

ошибочными действиями. Шифр тропа – четыре слова, выраженные самостоятельными частями речи и написанные заглавными буквами. Результат читательской рецепции – понимание сентенции о том, что внутренние противоречия героя, сублимировавшиеся в реальной жизни в причину дорожно-транспортного происшествия, повлекшего смерть другого человека, не развеялись даже в столь ужасных условиях. Каждому следует задуматься над тем, что причина всего происходящего в его жизни – в нем самом, а бегство от себя всегда лишено смысла.

Функция ассоционима в романе – усиление драматичности внутреннего раскола героя, причем троп соотносится с образом не прямым путем, а опосредованным, с целью стимуляции работы читательской мысли.

Авторское сообщение как первый и первичный компонент ассоционима направляет сознание читателя в семантическую сферу, в определении которой нуждаются последующие составляющие тропа при раскрытии.

Общее название, написанное с заглавной буквы, может вызвать у читателя ассоциации на основе общедоступного значения, семантической нагрузки, которая отождествляется для реципиента именно с этой лексемой. Денотативное значение, другими словами, прямое значение, в структуре ассоционима выполняет конститутивную роль в понимании читателем смысла тропа. Перейдя от первичного визуального обращения внимания на осознанно маркированный графически автором троп, читатель активизирует процесс понимания средства образности, акцентуализировав в своей мысленной сфере значение определенного слова – денотативное значение.

Шифр в ассоционим – средство концентрации внимания на определенном участке текста произведения, шрифтовой ориентир, который отмечен особенностями идеостиля писателя, жанровой спецификой текста. Третий компонент структуры тропа, шрифтовое воспроизведение, детерминирует эстетическую исключительность ассоционима в континууме литературного произведения. Шрифтовое выделение не просто акцентирует внимание на формально-структурной микрочастице произведения, а порождает троп, сущность которого априори содержится в переносном значении. Маркированный ассоционимом текстовый фрагмент является смысловым вместилищем идейно-проблематичного пространства романа или новеллы – внимание читателя привлекается не сколько к необычной на первый взгляд форме воспроизведения текста на обозначение общего

значения, а главный образом – к подтекстовому значению, которое воспринимается в процессе погружения читателя в интерпретацию символического содержания. Ассоционим является не только средством украшения текста, это осознанно выделенный автором концептуальный информационный сгусток.

Результат читательской рецепции как четвертый компонент архитектоники тропа выступает частью трансцендетного характера, так как пребывает в сфере глубин внутреннего мира реципиента. Сам факт появления представленного компонента ассоционима свидетельствует о его тропологической самодостаточности, ведь теоретик литературы в процессе анализа средства образности проявляет себя не только в научной ипостаси, но и личностной: невозможно анализировать средство образности, вызывающее определенные ассоциации, без включения сугубо субъективных моментов.

Ассоционим при первом столкновении со взором читателя условно детерминирует появление в сознании последнего определенной смысловой границы между полем общих знаний, которые находились в состоянии ремиссии, и полем знаний, которые стоят за ассоционимом, способных повлиять на мысль, соотнести собственную и представленную в произведении реакцию на идею, модальную относительно реалий жизни. Закодированное содержание тропа предстает как «предмет, который представляет собой единение чувственных и расширенных мыслительных определений конкретных отношений и связей. Тем самым тождество сознания и предмета уже не является абстрактным тождеством вероятности, но тождеством определенным, – знанием» [Гегель 1977: 228]. Ассоционим последовательно провоцирует порождение знания, которое появляется не как осознание завершенной данности, не требующей осмысления, а как семантическая имманентная доминанта, находимая реципиентом путем рефлексии литературного произведения, интерпретации в контексте собственного мировосприятия.

Приоритет ассоционима – в способности к именованию. «Имя предмета – арена встречи воспринимающего и воспринимаемого, точнее, познающего и познаваемого. В имени – какое-то интимное единство разъединенных сфер бытия, единство, которое приводит к их совместной жизни в одном целом, уже не просто «субъективном» или «объективном» сознании. Имя предмета – цельный организм его жизни в другой жизни, когда последняя общается с жизнью этого предмета и пытается перевоплотиться в нее, стать ею. Без слова и

имени человек – извечный пленник самого себя, по существу и принципиально антисоциальный, замкнутый, нецелостный, также не индивидуальный – он суть животный организм, или, если это человек, лишенный разума» [Лосев 1990: 48–49]. А. Лосев трактует имя шире, чем вербальный маркер называния человека, а далее – явления, события, предмета, имя как часть ассоцонима – это эстетико-философский конструкт, роль которого в литературном произведении заключается в кодировании сообщения с целью продуцирования оптимальных условий для дальнейшего качественного взаимодействия читателя и произведения.

Нецелесообразно опровергать факт исключительности значения для ассоционима способа воспроизведения в тексте, метода фиксирования авторской мысли. «Когда мы говорим о письме, (по Ж. Деррида), то отмечаем этим словом не только физические жесты буквенного и пиктографического написания (инскрипции), но также и целостность того, что делает его возможным. Мы додумываем то, что находится за пределами обозначающей и обозначенной сторон» [Деррида 2000: 223]. Особенность ассоционима – в интеграции игры с большой буквой, шрифтовыми экспериментами с глубокой семантикой, разворачивание которой происходит в пределах и вертикального, и горизонтального контекстов произведения. С формальной точки зрения ассоционим – это фиксатор смысла, который кроме реализации направленных на читательскую рефлексию сентенций, является средством формирования художественного своеобразия текста.

Нашумевший роман Л. Вайсбергер «Дьявол носит «Прада» – привлекательный материал не только для экранизации, но и для сферы изучения тропики литературного произведения.

В истории о школе выживания в мире гламура и шоу-бизнеса креативный имиджмейкер Найджел в почти задушевном разговоре с Андреа, брошенной судьбой в фэшн-оковы Миранды Пристли, емко – одной фразой – очерчивает сущность такого образа жизни:

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В КУКОЛЬНЫЙ ДОМИК, ДЕТКА!» [Вайсбергер: 42].

Напомним, что Эмили и Андреа – секретари главного редактора глянцевого издания «Подиум» Миранды Пристли.

Эмили, коллега и конкурентка главной героини Андреа, наставляет "вновь прибывшую" в мир акул и пираний модного издания сотрудницу, которая, ко всеобщему удивлению, имеет собственное мнение и не намерена жить в соответствии с чужими настроения: «…И

НИКОГДА не говори с ней, пока она не заговорит с тобой. И **НИКОГДА** не называй ее мисс Пристли; она Миранда» [Вайсбергер: 59].

Роль названных ассоционимов в романе имеет иронически-драматическую окраску, это тропы – разоблачение наигранности и шаблонности мира шоу-бизнеса.

Смысл сообщения, воспроизведенного ассоционимом, феноменален в своей простоте и сложности одновременно. «Смысл бесконечно перевоплощается в другой, что-то от другого, близкого, постоянно предворяет что-то, так же и у всех [в бытии], без чего невозможно сохранить и фиксировать его развитие. У смысла нет руководства или значения, но подчинен разнообразным изменениям и играет всеми отражениями знаков» [Интенциональность и текстуальность 1998: 312]. Позиция французского мыслителя Ж.Л. Нанси имеет точки пересечения в теории ассоционимности: смысл тропа – связующее звено между автором и читателем, это глобальное экзистенциальное пространство, где читатель среди множества семантических коннотативных оттенков и отпечатков выбирает самый оптимальный для понимания вариант, который создаст условия для настоящей рефлексии произведения, максимально заполнить сформированный ассоционимом пробел в сознании. «То, что формирует смысл, по-настоящему всегда пребывает за пределами по отношению к нему: будущее, встреча, событие, произведение, из-за которого будущее становится настоящим, когда встреча произошла, произведение реализовалось, событие состоялось. Их собственный смысл всегда за пределом» [Интенциональность и текстуальность: 312]. Ассоционим для реципиента переходит из стадии представленного в произведении средства образности в стадию рефлексированной личной сентенции тогда, когда читатель насыщает понимание тропа не просто своим отношением к затронутым тропом смысловым точкам, а вкладывает в него часть собственного внутреннего мира, того, к чему понятия «общий» и «объективный» не подходят по определению. Читатель начинает пересмотр платформы собственных имманентных ценностей, представляя собственные, возможно, уже пережитые события в контексте литературного произведения, а «представление непосредственно участвует во временной остановке обычной референции и в планировании новых возможностей переописания мира» [Юнг 1991: 427].

Роман Ф. Бегбедера «Любовь живет три года» – еще одна незаурядная история об отношения мужчины и женщины. С помощью

представленных в романе ассоционимов автор раскрывает образ Марка Марронье, богемного молодого человека, запутавшегося в глубинах собственного внутреннего мира.

Рецепт счастья Марка содержит в себе три компонента: **«1. СЧАСТЬЯ НЕТ. 2. ЛЮБОВЬ – СКАЗКИ. 3. И НИЧЕГО СТРАШНОГО»** [Бегбедер 2004: 3]. Разочаровавшийся в чувствах герой после несложившихся отношений скептически расценивает брак: «Мы женимся точно так же, как сдаем экзамены на аттестат зрелости или на водительские права: всегда одни и те же рамки, в которые надо втиснуться, чтобы быть как все, как все, **КАК ВСЕ** любой ценой»[Бегбедер 2004: 9]. **«НЕ БЫВАЕТ СЧАСТЛИВОЙ ЛЮБВИ»** [Бегбедер 2004: 17], «Всякая **Красота** вырождается в **Уродство**, удел **Юности** – **Увядать**, наша Жизнь – медленное **Загнивание**, мы **Умираем** каждый **День**» [Бегбедер 2004: 21] – таков итог пессимистических раздумий Марронье.

Ассоционимы, соотносимые с мировоззрением Марка Марронье, в тексте содержатся в его речи, выполняют образотворческую функцию, что не уменьшает ее оценочно-критического эффекта. Идея произведения коррелирует с мыслью о том, что личностные поиски сопровождаются чередой разочарований, крушений иллюзий, из которых необходимо выносить прогрессивные уроки, а ассоционимы концентрируют внимание читателя для самых болезненных для каждого из живущих разочарованиях – утрате любви, искренности, внешней привлекательности как гаранта морального благополучия. Такие тропы не могут не привлечь к анализу избранных смысловыми центрами ценностей сентенций личного опыта читателей.

В исследовательском дискурсе Ю. Лотмана «каждый индивидуальный факт в художественном тексте – это результат осложнения основной структуры дополнительными. Он возникает как пересечение в крайнем случае двух систем, получая в контексте каждой из них особенный смысл. Чем больше закономерностей пересекаются в одной точке, тем больше получает смысл, он будет казаться тем более индивидуальным, внесистемным. Внесистемное воспроизводится в художественном тексте как полисистемное» [Лотман 1998: 82]. Системами, которые вступают в интеракцию с целью распознавания ассоционима читателем, являются сознания автора и читателя. Закономерности, которые делают такое взаимодействие более выразительным, – это убеждения, взгляды, мысли, подходы личностей, осознанно погрузившихся в эстетическую

коммуникацию, произведенную на основе знакомства читателя с текстом литературного произведения.

Аспекты интеракции ассоционима и литературного произведения как систем, пребывающих в состоянии эстетической корреляции, репрезентируются через выполняемые тропом функции – порождения новых значений, кодирования, интерсубъективную.

Истоки концептуальной функции ассоционима – порождения новых значений – детерминируются его «метафорическими» корнями. Эстетическое предназначение как метафоры, так и ассоционима базируется на использовании переносного значении. «Метафорическое использование слова, которое разрушает его логическое содержание, пробуждает эмоциональные ассоциации, имеющие определенное направление» [Теория метафоры 1990: 55]. «В метафоре совмещаются два или несколько семантических планов, и на их основе возникает единый, целостный образ» [Введение в литературоведение 2004: 405].

П. Рикер в статье «Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение» писал о том, что «метафорическое значение складывается не только в семантическом конфликте, но и в новом предикативном значении, которое возникает из руин буквального значения, то есть значения, которое возникает, опираясь только на будничные, или распространенные лексические значения новых слов. Метафора – не загадка, это развязание загадки» [Теория метафоры 1990: 418-419].

Справедливым будет заметить, что ассоционим – это не разновидность метафоры, а принципиально иной троп. Платформа дифференции ассоционима и метафоры – в принципах их порождения. Метафора возникает на основе отношений реально существующего подобия между компарантом и компаратором, ассоционим формулируется на основе приписываемых автором свойств предметам и явлениям, или существующих реально, но выходящих за пределы взаимосвязей подобия (речь идет и о метонимической смежности, и противопоставлении, и о синтезе названных признаков). Троп **«1. СЧАСТЬЯ НЕТ. 2. ЛЮБОВЬ – СКАЗКИ. 3. И НИЧЕГО СТРАШНОГО»** (Ф. Бегбедер) раскрывает ассоционимное звучание при трансакциях с понятиями подобия (′счастье′ – ′любовь′ – ′сказки′), противопоставления (′счастье′ – ′страшное′), отображая при этом эмоциональный дислабанс и пессимизм Марка Марронье, который достиг апогея собственного нежелания и далее продолжать выживание-игру в циничном мире рекламного бизнеса, где нет места искренним чувствам.

Ассоционим, трансформируя ключевую функцию метафоры, – порождение новых значении, имеет свои характерные черты. Речь идет о более трансцендетном, чем в метафоре, векторе направленности на читательскую рецепцию. В исследованиях Ф. Анкерсмита содержится сентенция о том, что «метафора «антропоморфирует» социальную, и иногда даже физическую реальность и осуществляя это, позволяет нам в истинном смысле этих слов приспособиться к окружающей действительности и стать для нее своими» [Анкерсмит 2003: 85]. В ходе осмысливания метафоры в сознании читателя имеет место появление нового взгляда на социально-культурную действительность с точки зрения идентификации себя в ней, который является следствием интеракции интеллекта автора с интеллектом читателя. В процессе порождения нового значения через ассоционим в поле произведения активизируются такие механизмы действий в сознании читателя, которые, как бы это парадоксально не звучало, в самой меньшей мере соотносятся с идейно-проблематическим измерением произведения и тропом как способом его воспроизведения. «Общее понятие воспринимается в индивидуальном контексте и поэтому понимается и используется индивидуально. И разница в смыслах, понятно, проявляется в наиболее значительной степени для людей с разным социальным, политическим, религиозным опытом» [Ясперс 1999: 45]. Ассоционим, нарушив имманентную для сознания личности атмосферу восприятия, активизирует не только работу мысленных механизмов, необходимых для анализа тропа (речь идет о целостном багаже знаний реципиента), а также читатель, в большинстве случаев уже на подсознательном уровне, начинает противоречивый процесс саморефлексии, имеющей точку пересечения со значения ассоционима как эстетического знания только в читателе, как источнике и катализаторе такой работы.

Таким образом, трактование контекстуального смысла семантического посыла как части ассоционима более субъективизировано, чем это свойственно метафоре, и при этом, раскодирование ассоционима – есть процесс дуалистический: троп провоцирует не только формирование читательской позиции на сентенции, модальные относительно художественного произведения, но и появления абстрагированных от текста значений, составляющих богатство внутреннего мира читателя. Ознакомившись с провокационным ассоционимным пластом романа Ф. Бербедера «9Любовь живет три года» читатель может окунуться в мир кулуарных тайн рекламного бизнеса, но и еще, выстроив ассоциативные связи со

своими отношениями с коллегами в сфере профессиональной деятельности, даже радикально отличающейся от мира рекламы, он вполне может прийти к необходимым исключительно для себя выводам, которые так или иначе пригодятся ему в будущем.

В романе Д. Пиколт «Ангел для сестры» использует ассоционимы Смерть, **«ХОДАТАЙСТВО О ВЫХОДЕ ИЗ ПОД РОДИТЕЛЬСКОЙ ОПЕКИ В ВОПРОСАХ ЗДОРОВЬЯ»** для раскрытия образа Анны Фицджеральд, которая подала судебный иск на своих родителей из-за того, что они самовольно распоряжаются ее здоровьем в качестве донора для больной лейкемией младшей сестры Кейт.

Анна откровенничает в дневнике: «Знаете, многие дети думают, что в жизни, как в мультфильме: если на голову упадет наковальня, можно потом отлепиться от асфальта, встать и пойти дальше. Так вот, я никогда в это не верила, ведь Смерть буквально стала членом нашей семьи. У Кейт острая промиелоцитная лейкемия» [Пиколт 2007: 6]. Закономерно, что моральное напряжение старшей сестры рано или поздно должно было выйти наружу: девочка обращается в суд с **«ХОДАТАЙСТВОМ О ВЫХОДЕ ИЗ ПОД РОДИТЕЛЬСКОЙ ОПЕКИ В ВОПРОСАХ ЗДОРОВЬЯ»** [Пиколт 2007: 25]. Такой шаг – вынужденная мера защиты ставшего рано взрослым ребенка, который хотел жить в состоянии детской беззаботности и отсутствия чувства второстепенности рядом с наказанной судьбой сестрой. Троп фиксирует накал отношений в семье, где один ребенок здоров, а другой нет, вызывая читательские размышления по теме.

В плоскости функции кодирования ассоционим предельно рационально использует аспекты корреляции со знаком.

В работе М. Хайдеггера «Бытие и время» представлена самоценная концепция трактования знака как социально-культурного явления. «Собственно знак ближайшим образом есть средство, чей специфический характер содержится в указывании. Знак обращен к рассмотрению очерченного обращения, а именно так, что следующее его указание к рассмотрению, таким образом, его провожая, вводит конкретный круг окружающего мира в «специальный» осмотр» [Хайдеггер 1993: 17]. Ошибочно сводить роль ассоционима в тексте произведения к банальному объяснению через троп метафорического характера идеи, темы, проблемы то ли образа идентифицировано, то ли в художественной целостности. Такой троп в системе понимания литературного произведения является формирующей смысл (даже не значение) формально-содержательной микросистемой. Знак по своей

сути – явление уникальное: избрав звеном концентрации момент, находящийся в определенной реальной связи с действительностью, он не указывает на что-то четко определенное, а стимулирует работу мысли реципиента, направленного этим знаком. Чтобы прийти к финалу размышлений, читатель должен сублимировать из всего приобретенного в течении жизни багажа знаний, приумноженного на жизненный опыт, необходимый смысловой осколок, при этом вся предварительная момент его нахождения работа оставляет яркий отпечаток в сознании, посредством которого читатель на подсознательном уровне создает условия интеграции этого самого необходимого момента с другими смысловыми плоскостями.

Текст, исходя из учения В. Руднева, – «это воплощенный в предметах физической реальности сигнал, передающий информацию от одного сознания к другому и поэтому не может существовать без воспринимающего сознания» [Руднев 2000: 10]. Ассоционим как знак в тексте это воплощение не только сообщения от интеллекта к интеллекту, но и результат двойной интерпретации: писательской и читательской.

«Концептуализация языка в терминах знака и/или знаковой системы является основополагающей для системы смысла» [Кристева 2004: 88]. По Ю. Кристевой «знак, по определению, это репрезентация, которая предполагает систему коммуникативного обмена, который, в свою очередь, предполагает существование знака» [Кристева 2004: 91]. Ассоционим имеет в своем распоряжении ресурс, который делает возможным обмен значениями между автором и читателем в плоскости произведения, который играет роль подготовительного этапа в формировании внутренних суждений читателя.

Следует отметить, что одна из сентенций Ю. Кристевой провоцирует дискуссионную атмосферу: «Текст – не знак. Поскольку текст нарушает и трансформирует семиотическую систему, которая регулирует социальный обмен, и одновременно размещает в дискурсивных инстанциях активнодействующие инстанции социального процесса, это значит, что он не может создаваться как знак ни в начальный, ни в последующий момент своего построения и не является знаком в целом» [Кристева 2004: 35]. Сопоставив исходную для данной работы точку зрения о литературоведческой целесообразности пояснения функции кодирования с семиотическими определениями текста и знака, резюмируем, что ассоционим использует приоритет знака как инструмента обмена значений на основе уже помещенного в ядро тропа значения, так как эффективно

такой троп может функционировать только при условии взаимодействия слоев сознания автора и читателя, где средство образности является объединяющим звеном, а текст, формальная среда воспроизведения ассоционима, является обобщающей системой, синтезирующей оптимальные эстетические условия для пересечения векторов понимания адресата и адресанта. Имя (а ассоционим является именно именем) по Р. Барту есть «инструмент обмена: установив отношения эквивалентности между знаком и суммой, имя позволяет заместить определенную совокупность черт соответствующей номинативной единицей» [Барт 2001: 70]. Касательно ассоционима, знак – это его собственная способность к кодированию информации, сумма – пласт содержащейся в тропе информации, номинативная единица – вариант графического воспроизведения.

Выполнение ассоционимом функций порождения нового значения и кодирования – подготовительный этап для выполнения интерсубъективной функции. Реализация интерсубъективной функции – как для адресата, так и для адресанта – содержится в придании формы идеям, которые составляют систему жизненных ценностей участников эстетической коммуникации, логическим завершением которой выступает рефлексия.

Джоанна, главная героиня романа А. Левина «Степфордские жены», столкнувшись с загадочным укладом жизни женщин в небольшом городке Степфорде, изо всех сил пытается сопротивляться моральному порабощению, угнетению в прекрасной половине человечества личностных качеств. Однажды, листая журнал, фотографом в котором работал один из вдохновителей движения против женской самодостаточности, она обращает внимание на увеличенные фотографии. Размышляя в уединении, миссис Эберхарт приходит к выводу, что **«УВЕЛИЧЕННЫЕ ФОТОГРАФИИ РАСКРОЮТ ПОТРЯСАЮЩИЕ СЕКРЕТЫ»** [Левин 2002: 90]. Речь идет о том, что каждый человек имеет тайну, прибегая же к ее маскировке под обыденностью, вступает в игру против самого себя. Таким образом, ассоционим активизирует проблему тотальности двойного дна – личности, жизни…

Рефлексия в контексте теории ассоционимности окрашена в разные тона. Рефлексия первого плана – это момент схватывания визуального маркера ассоционима, которое детерминирует его дальнейшее понимание в зависимости от интеллекта и мировоззрения читателя. Рефлексия иного характера – пропуск резюмированной после осмысления ассоциаций в семантическом поле, не выходящем за

пределы контекста произведения, спровоцированных ассоционимом, в глубины души читателя. «Всякое слово (текст) является таким пересечением двух слов (текстов), где можно прочитать, по меньшей мере, еще одно слово, текст» [Ясперс 1999: 429]. Именно слово, возникающее на пересечении сентенций, возникших под воздействием ассоционима – как от адресата, так и от адресанта, является результатом рефлексии второго плана.

Проблема классификации ассоционима занимает одну из ключевых позиций в уверенно набирающем обороты теоретико-литературном дискурсе. В. Галич, ученая, которая первой описала троп, выделяет такие типы ассоционима как ассоционим-аллегория, ассоционим-символ, ассоционим-референция. «Выводы большинства литературоведов о том, что в отличие от аллегории, которая характеризуется четкой определенностью, символ тяготеет к многозначности, отмечен большей глубиной содержания, послужили критерием разграничения типов ассоционимов» [Галич 2002: 144].

А. Галич, в свою очередь, отмечает, что «анализ творчества украинских писателей-постмодернистов конца XX – начала XXI века дает основания для выделения таких типов ассоционима, как: ассоционим-символ, ассоционим-аллегория, ассоционим-референция, ассоционим-синестезия, ассоционим-концепт, ассоционим-капитель» [Галич 2011: 141]. Ученый интерпретирует предложенный своей предшественницей вариант классификации тропа, расширяет ее на основе полифоничного по форме и содержанию творчества современных украинских писателей.

В нашей работе на основе семантико-рефлексивного похода к ассоциониму представлены ассоционим-констатив, ассоционим-декларатив, ассоционим-комиссив.

Ассоционим-констатив – тип ассоционима, материалом для построения ассоциаций в котором выступают явления, события, факты, носящие общекультурную или социально-политическую окраску (троп А. Гавальды **«ПРЕДПОЛАГАЕТСЯ ОШИБКА ВОДИТЕЛЯ».** В ассоционимах данного типа денотативное значение копнонентов коррелирует в сфере социальной жизни общества.

Ассоционим-декларатив – тип ассоционима, материалом для построения ассоциаций в котором выступают личностные сентенции автора, понимание которых для читателем детерминируется знанием определенных фактов из жизненной и творческой биографии писателя. Имеет место момент декларирования мастером слова свого мировоззрения и системы ценностей. Такой вид ассоционима

является наиболее выразительной иллюстрацией стилевой самоидентификации писателя – **«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В КУКОЛЬНЫЙ ДОМИК, ДЕТКА!»** у Л. Вайсбергер.

Ассоционим-комиссив – тип ассоционима, эстетическая роль которого – в стимулировании читателя к глубокой личностной рефлексии без наложения целостного контекста литературного произведения, в котором этот троп представлен – «Смерть» у Д. Пиколт.

Таким образом, ассоционим как плоскость для выделения структурних компонентов, функций и типологических вариантов – теоретико-литературное явление, дальнейший исследовательский дискурс которого представляется собой перспективное направление в литературоведениию.

ЛИТЕРАТУРА

Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / Ф.Р.Анкерсмит / [Пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломиец, В. Катаева]. – М. : Прогресс-Традиция, 2003.

Барт Р.S / Z / Ролан Барт / [Под ред. Г.К. Косикова]. – М. : Эдиториал, УРССР, 2001.

Бегбедер Ф. Любовь живет три года / Фредерик Бегбедер / [Пер. с фр. Н. Хотинской]. – М. : Иностранка, 2004.

Вайсбергер Л. Дьявол носит «Прада» / Лорен Вайсбергер [Электронный ресурс].Режим доступа:http://royallib.ru/book/vaysberger_loren/dyavol_nosit_prada.html

Гавальда А. Мне бы хотелось, чтоб меня кто-нибудь где-нибудь ждал / Анна Гавальда [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://royallib.ru/ book/gavalda_anna/mne_bi_hotelos_chtob_menya_kto_nibud_gde_nibud_gdal.html

Введение в литературоведение: учеб. пособие / Л.В. Чернец, В.Е. Хализев и др. / [Под. ред. Л. В.Чернец]. – М. : Высшая школа, 2004.

Галич А. Естетичні пошуки в українській постмодерній літературі: асоціонімний вимір: [монографія] / Артем Галич. – Луганськ: Книжковий світ, 2011.

Галич В.М. Антропонімія Олеся Гончара : природа, еволюція, стилістика / В.М. Галич. – Луганськ : Знання, 2002.

Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.3 Философия духа / Г.В. Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1977.

Деррида Ж. Письмо и различие / Жак Деррида / [Пер. с франц. А. Гараджи, В. Лапицкого и С. Фокина. Сост. и общая ред. В. Лапицкого]. – СПб.: Академический проет, 2000.

Интенциональность и текстуальность. Философская мисль Франции XX века. – Томск : Изд-во «Водолей», 1998.

Кристева Ю. Избранные труды : Разрушение поэтики / Юлия Кристева / Пер. с фр. – М. : «Российская политическая энциклопедия», РОССПЭН, 2004.

Левин А. Степфордские жены / Айра Левин / [Пер. с англ. Ю. Вейсберга]. – М. : Эксмо, 2002.

Лосев А. Философия имени / Алексей Лосев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990.

Лотман Ю. Структура художественного текста / Юрий Лотман // Лотман Ю. Об искусстве. – СПб. : «Искусство – СПБ», 1998. – С. 14 – 285.

Пиколт Д. Ангел для сестры / Джоди Пиколт / [Пер. с англ. О.Бершадская]. – Харьков : Книжный клуб «Клуб семейного досуга», 2007.

Рикер П. Живая метафора / Поль Рикер // Теория метафоры : Сборник : Пер. с анг., фр., нем., исп., польск. яз ; [Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой и М.А.Журинской]. – М. : Прогресс, 1990. – С. 435 – 441.

Руднев В.П. Прочь от реальности: Исследования по философии текста. II / Вадим Руднев . – М.: «Аграф», 2000.

Теория метафоры : Сборник : Пер. с анг., фр., нем., исп.,польск. яз / [Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журинской]. – М.: Прогресс, 1990.

Хайдеггер М. Бытие и время / Мартин Хайдеггер / [Пер. и сост. В.В.Бибихина]. – М. : Республика, 1993. – 447 с.

Ясперс К. Смысл и назначение истории / Карл Ясперс / [Пер. с нем]. – М.: Политиздат, 1991.

Юнг К.Г. Архетип и символ / Карл Густав Юнг. – М.: Ренессанс, 1991.

Статья рекомендована к.ф.н., доц. М.Б. Ворошиловой